

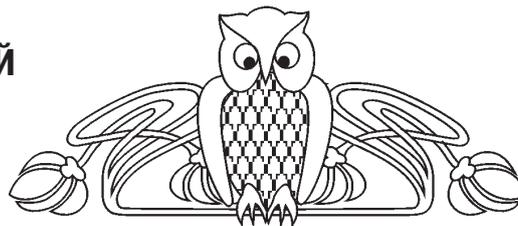

УДК 94(470.44).084.8+37.018.324(09)

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЭВАКУАЦИИ: ИСПАНСКИЙ ДЕТСКИЙ ДОМ № 1 В СЕЛЕ КУККУС

А. П. Фернандес

Российский государственный архив фонодокументов, Москва
E-mail: annafernandes@yandex.ru

В настоящей статье ставится цель проследить на основе ранее не изученных мемуарных источников и малоизвестных архивных материалов, как проходила эвакуация детдома № 1 для испанских детей в село Куккус (ныне – село Приволжское Ровенского района Саратовской области). Анализируется деятельность администрации детдома № 1 и рассматриваются трудности, с которыми столкнулись воспитанники и педагоги детдома в дни войны на новом месте. Значительное место отводится анализу мер для улучшения условий жизни детей.

Ключевые слова: детдом № 1 для испанских детей, Саратовская область, Сталинградская битва, Куккус, эвакуация.

The Story of One Evacuation: Orphanage № 1 for Spanish Kids in the Village Kukkus

A. P. Fernandes

The article is based on the unknown documents and memoirs considers the evacuation of the orphanage № 1 for Spanish kids to the village Kukkus (now – Village Privolgskoe of Rovensky district of Saratov region). The author is analyzing the work of the administration of the orphanage. The article examines the difficulties that the kids and the staff faced at the new place during the war. The article mostly focuses on the problem what was done to improve living conditions of the kids.

Key words: orphanage № 1 for Spanish kids, Saratov region, Kukkus, evacuation.

Для испанских детей, прибывших в 1937 году из охваченной Гражданской войной Испании, возможность наслаждаться мирной жизнью в СССР оказалась слишком недолгой. Ведь на их памяти еще были бомбардировки их родных городов. Если в большинстве стран, приютивших у себя малолетних испанских эмигрантов, дети в основном распределялись по семьям, то в Советском Союзе в 1937–1939 гг. были созданы специальные детские дома-интернаты, в которых они жили и учились, причем преподавание велось на родном для ребят языке. Один из детских домов для испанцев, о котором идет речь в данной статье, располагался в помещениях Дома отдыха инженеров легкой промышленности у подмосковной станции «Правда». Летом 1941 г. ребята из детдома должны были отправиться в пионерский лагерь на берегу Финского залива, а особо отличившихся ждала путевка в Артек, однако планы беззаботного летнего отдыха перечеркнула Великая Отечественная война.

Для понимания трудностей и проблем, с которыми столкнулся детдом во время эвакуации,

необходимо обратиться к историческим источникам и архивным материалам. Так, документы, проливающие свет на эту тему содержатся в фонде А-307 ГАРФ. Это отчеты, переписка администрации детдома с Наркомпросом и властями на местах. Немалое значение для исследователей имеют источники личного происхождения, в частности, мемуары бывших воспитанников и педагогов детдома.

Воспитанница детского дома № 1 Виртудес Компань Мартинес вспоминает, что 22 июня 1941 г., когда с официальным обращением к советскому народу выступил Нарком иностранных дел СССР Вячеслав Молотов, в детдоме шла подготовка к очередному празднику. Известие о вероломном нападении гитлеровской Германии стало для всех полнейшей неожиданностью. «Несколько секунд стояла гробовая тишина. Затем начались слезы, причитания, обсуждения... нас накрыла буря эмоций»¹.

Эвакуация детей и персонала детдома № 1 для многих началась неожиданно. Вот как вспоминала об этом испанская воспитательница Леонор Эстевес: «Однажды директор собрал учителей и воспитателей и сообщил, что получил приказ из Наркомпроса (советского Министерства образования) срочно эвакуироваться в район Волги. Немедленно началась подготовка»².

Директор Николай Паншин начал приготовления, хотя его критиковали за то, что он берет с собой слишком много. Однако время показало, насколько он был прав. «Взяли все продукты, которые могли: макароны, крупы, консервы, чечевицу, муку, растительное масло и др. Это обеспечило питание в течение всего путешествия, которое мы совершили на теплоходе... Директор распорядился, чтобы в небольшой швейной мастерской сшили рюкзаки для каждого ребенка, куда положили пару смен белья, полотенце, мыло, зубную пасту и личную фляжку. Сотрудники и старшие ребята упаковывали книги, школьные принадлежности...»³

Всего к началу эвакуации в детдоме № 1 было 389 воспитанников. А сам детский дом представлял собой огромный административно-хозяйственный аппарат. Он включал в себя значительный штат обслуживающего персонала: педагогов, воспитателей, врачей, медсестер, санитарок, уборщиц, прачек, истопников, портних и вязальщиц. В эвакуацию детей решено было отправить

на теплоходе. Отъезд из столицы состоялся 26 августа 1941 г.⁴

Воспитанники взошли на борт судна в маленьком порту на канале Москва – Волга недалеко от деревни Тишково. На этом же теплоходе «Калинин» эвакуировались еще несколько детдомов для испанских детей. Как отмечают исследователи, Саратовская область, особенно в первый год войны, считалась глубоким тылом. Видимо, этим объясняется решение советского руководства направить в эти края 4 испанских детских дома, насчитывавших более 1300 детей⁵.

Вот как вспоминает об этом Виртудес Мартинес: «Когда наступила наша очередь, мы поднялись на верхнюю палубу теплохода «Калинин». По двое мы завернулись в одеяла, которые привезли с собой, одно подстелив под себя и укрывшись другим. Мы были очень уставшими, и перспектива ночевать под открытым небом нас ничуть не волновала»⁶.

Путешествие было непростым. Ведь теплоход был переполнен людьми, а кают на всех не хватало. Еще один юный пассажир теплохода Вирхилио де лос Льянос Мас на всю жизнь запомнил это путешествие по Волге. «Мы, старшие, укутавшись, спали на палубах, ибо ночи в конце сентября были уже холодными. На двухпалубном теплоходе мы плыли на юг по Волге, но место назначения было нам неизвестно... Воды канала были спокойными, а волжские берега – живописными»⁷.

Несмотря на красоту русских осенних лесов, путешественники не могли наслаждаться красотой природы в спокойной обстановке. Ведь где-то рядом от этого величавого покоя лилась кровь и гибли люди. Да и судьба теплохода, перевозившего испанских детей, порой весела на волоске. Вот как вспоминает об этом Виртудес Мартинес: «Не помню, сколько времени длилось наше путешествие по Волге. Однако запомнился еще один случай, когда однажды ночью все проснулись от страшного шума от взрывов бомб, которые разрывались рядом с нашим кораблем. Проснувшись, с палубы мы наблюдали, каким курсом двигается самолет, который нас бомбардировал. К счастью, ни одна бомба в нас не попала. Везенье или случайность? Не знаю, но вторую такую же ночь мы бы не выдержали. Наш директор Паншин, годы спустя на встрече с ним вспоминал, что на следующий день после той ночи у него впервые появились седые волосы»⁸.

Наконец, воспитанники и персонал детдома № 1 достигли Автономной республики немцев Поволжья. Цель данной статьи не предусматривает подробного рассмотрения вопроса о ликвидации республики. Напомним, что в результате печально знаменитого Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья», более 365 тысяч коренных жителей были депортированы на дальние земли Казахстана и Сибири⁹.

По признанию Леонор Эстевес, многие испанские политэмигранты – учителя и воспитатели детдомов – мало симпатизировали немцам из-за их вмешательства в ход гражданской войны в Испании и нападения на СССР. Но то, как обошлись с исконными обитателями Немреспублики, вызвало массу вопросов. В своих воспоминаниях, она пишет, что директор Николай Паншин объяснил испанским педагогам, что немцы были шпионами, получавшими приказы по радио и помогавшие гитлеровцам. «Была раскрыта целая шпионская сеть. Также он нас предупредил, что вода в колодцах и фрукты на деревьях были отравлены и чтобы мы сделали все от нас зависящее, чтобы дети не пили ту воду и не ели плодов»¹⁰.

Изначально детдом разместили в помещениях бывшей Школы комбайнеров и филиале средней школы. «Дети и персонал были размещены свободно, каждый воспитанник имел отдельную койку и место, были помещения для групповых занятий, библиотеки-читальни, клубной работы, физкультурный зал, отдельное помещение кухни-столовой, помещение госпиталя-изолятора, хозяйственные помещения (конюшня, свинарник, склады, погреб, сарай). Приняли от школы комбайнеров некоторое имущество для интерната: койки, столы, стулья, шкафы, 7 лошадей с транспортом»¹¹.

Само село Куккус, покинутое ее исконными обитателями, производило гнетущее впечатление. «Нас удивило, что мы не встретили ни людей, ни даже собак. Последние находились на пристани в ожидании возвращения своих хозяев. Также, как и улицы, дома тоже стояли абсолютно пустыми; двери были захлопнутыми, но не запертыми на ключ, словно приглашали всех желающих войти. Внутри все блестело чистотой и поражало безупречным порядком. Складывалось впечатление, что с минуту на минуту хозяева вернуться»¹².

Немцы Поволжья были людьми работающими и хозяйственными, многие из колхозов автономной республики считались передовыми. Уровень жизни был довольно высоким. «... закрома были полны пшеницы, на полях лежали огромные сочные арбузы, а чердаки были забиты мешками семечек, фасоли и гороха с личных наделов»¹³.

С нетерпением ждали возвращения хозяев и жалобно мычали в стойлах коровы, которым требовалась ежедневная дойка. Однако в округе не было ни души, за исключением воспитанников и обслуживающего персонала детдома № 1.

«Мы, подростки 13 и 15 лет, у которых никогда не было случая учиться этой благородной работе, даже не могли приблизиться к коровам, потому что боялись их. Однако жалость и желание помочь, которые мы чувствовали по отношению к бедным животным, придали нам смелости попробовать начать доить буренок. Одна из воспитательниц, которая в детстве жила в деревне, к тому же заверила нас, что коровы не только не будут противиться, но, наоборот, порадуются нашей

помощи. Она показала, как это делается. Тремя пальцами – большим, указательным и средним, мы должны были осторожно брать вымя, потихоньку сжимать, чтобы не напугать животное, и начинать доить ритмичными движениями. Первая попытка, поначалу неуклюжая, дала свой результат: молоко текло рекой... Ура! Теперь мы могли пить молока вдоволь»¹⁴.

Дойка коров оставила яркое впечатление. Хотя и с трудом, но испанским детям удалось научиться этому необычному занятию.

«На счастье, сразу же выявились “инструкторы”, вспомнившие сельское детство. Баски и астурийцы прекрасно доили коров. Мне же было трудно – горожанин, я никогда не видел близко коровы. Однако девочка из Астурии (которая, к тому же, мне очень нравилась) обучила меня искусству доения. Других потребителей ценного продукта, кроме нас, в деревне не было, и мы организовывали конкурсы: кто больше выпьет молока за один присест?»¹⁵.

Хотя детям запретили пить воду из колодцев, потому что они могут быть отравлены, этот приказ быстро был нарушен. Как вспоминает Леонор Эстевес, «ребята постарше поили местной водой котов, птиц и коз и, видя, что ничего страшного с ними не произошло, давали воду младшим. Вода оказалась очень чистой и приятной на вкус. Дети стали ходить по окрестностям в поисках моркови, помидоров и арбузов»¹⁶.

Об одной такой рискованной вылазке сохранились воспоминания Виртудес Мартинес: «Однажды темной и промозглой ночью, когда все спали, а воспитатели удалились в свои комнаты, я и другие девочки-добровольцы взяли наволочки и тайком покинули наш дом. Практически наощупь мы обнаружили поле, засеянное морковью. Овощи были достаточно крупными и предназначались для прокорма скота, поэтому их было легко обнаружить среди вязкой грязи, которая их покрывала. Тяжело было идти по полю, так как ноги то и дело проваливались в мутную жижу. В детдом мы вернулись поздно – уставшие, грязные, зато довольные, с наволочками, полными сладкой морковки. Все 25 девочек из нашей комнаты ожидали нашего прихода в большом беспокойстве. Как только мы разделили морковь между всеми, воцарилась тишина, и сидя на своих постелях, все начали с наслаждением пережевывать “лакомство”»¹⁷.

Для учебных занятий детдому было выделено 6 классных комнат в Куккусской средней школе, что поначалу вполне обеспечивало нормальные занятия в 2 смены. Однако в начале ноября помещение школы пришлось освободить, в связи с тем, что в Куккусский район начало прибывать большое количество эвакуированного населения, которое негде было разместить, и здание школы было использовано под перевалочный пункт. Учебные занятия были перенесены в здание бывшей Школы комбайнеров, где проживали дети и персонал. Мест для занятий катастрофически не хватало.

Почти все испанские детские дома страдали от отсутствия топлива. Как результат, в помещениях и спальнях, где размещались дети, стояла очень низкая температура¹⁸.

«Помещение, в котором жили и занимались дети, имело центральную систему отопления, совершенно разрушенную. Несмотря на все приложенные усилия, восстановить систему отопления не удалось, и здание пришлось законсервировать, переводя детей в отдельные домики с печным отоплением, которое, кстати, также было неисправным. Домики оказались ветхими, непригодными к условиям суровой здешней зимы, и несмотря на то, что печи усиленно топились, температура в помещениях редко поднималась выше +3. Занятия были организованы в спальнях»¹⁹.

Зима 1941–1942 гг. оказалась особенно трудной. Дров достать удалось очень мало, к тому же древесина была плохого качества и плохо горела из-за сырости – было много дыма и мало тепла. В результате плохого отопления в здании было невообразимо холодно. Вода для питья в ведре в течение ночи замерзала: «От полного замерзания и превращения в ледышек нас спасло то, что мы спали по двое в постелях»²⁰. По воспоминаниям воспитательницы Леонор Эстевес, «окна внутри комнат были заледеневшими, лед был величиной с палец»²¹.

Острой стояла проблема нехватки дров. Их добывали разными способами. Вот как вспоминал об этом Вирхилио де лос Льянос Мас: «Нас, “старшую семерку», мобилизовали на заготовку дров. Требовалось переправляться на правый берег, богатый лесом, и доставлять дрова в детдом для обогрева и приготовления пищи. Каждый день в жуткий холод еще затемно мы запрягали быков парами в сани и отправлялись на правый обрывистый берег Волги. В лесу по колено в снегу валили огромные деревья, очищали их от сучьев и большими двуручными пилами распиливали бревна, а куски 3–4 метра»²².

Заготовкой дров, разумеется, занимались не только подростки 10–12 лет, но и взрослые, в том числе женщины. Леонор Эстевес в своих мемуарах откровенно пишет о том, какими способами удавалось добывать столь ценный материал для обогрева холодного кирпичного здания детдома: «Ночами выходили группами и оставляли деревенские дома без изгородей»²³.

До декабря 1941 г. питание детей испанских детских домов было достаточным, потому что к отпуске по нормам продуктам имелись дополнительные запасы, завезенные самими детдомами. Плюс дети получили своеобразное «наследство» от депортированных жителей. Продукты, оставшиеся от немцев, вскоре закончились. Начиная с декабря месяца, питание в основном базировалось на общих нормах для детских домов. Однако указанием Обкома ВКП (б) были приняты меры к усилению питания в детдомах для испанских детей²⁴. Но все же установленные

облисполкомом нормы для питания детей не выполнялись, и продукты поступали в детдом не в полном объеме. Пища была скудной. Виртулес Мартинес сохранила в памяти меню. «Утром мы получали 50 граммов хлеба, тарелку каши и стакан чая с двумя кусочками сахара; на обед – овощной суп и тарелку каши, сладкую воду, имитирующую компот и 50 граммов хлеба; на ужин наш рацион состоял из 50 граммов хлеба, свеклы и стакана чая»²⁵.

Леонор Эстевес вспоминала, что были такие моменты, когда детям на ужин выдавали кипяток с половиной свеклы и сто граммов черного хлеба. «Мы, педагоги, не имели даже этого. Некоторые дети тайно проносили кусочки хлеба в карманах, но этот подарок мы не могли принять... Чтобы утолить постоянный голод дети питались разного рода растительностью: почками, древесной корой. У многих в результате этого случалось несварение желудка»²⁶.

Но и взрослые были подчас готовы рискнуть своим здоровьем, лишь бы только наесться до отвала. «Однажды мы обнаружили на улице замерзшую курицу. У нее был настолько слабый вид, что это вызывало подозрение о туберкулезе. Мы ее сварили и разделили на шестерых. В конце концов, холод и голод были невообразимыми»²⁷.

Страдания приносили не только холод, голод и болезни. Некоторые взрослые испанцы стали жертвами паразитов – платяных вшей. «Конча Белла, которая была редкостной аккуратисткой, постигло невезение – у нее завелись платяные вши. Несмотря на то, что она постоянно стирала и прожаривала белье – от них никак не удавалось избавиться. Она очень страдала из-за этого...»²⁸

Несмотря на тяжелые бытовые условия, детям необходимо было учиться. Учителями в детдоме в основном работали испанцы. Так, из архивных документов мы узнаем, что испанский язык преподавал Агусто Видаль, географию – Сайс Вербера Хесус, физику-химию – Ратильчека Хосе. Учительницами начальных классов были Фернандес Сапико Анхелина, Суарес Натали Мария, Аррибас Сайс Эллиса²⁹. Среди 20 учителей 13 были испанцами, а из 21 воспитателя – 5³⁰.

Испанцы преподавали почти все предметы за исключением русского, литературы и истории, которому обучали русские учительницы. Много лет спустя бывшие воспитанники детдома с благодарностью вспоминали своих учителей. «В 1939 году после окончания гражданской войны в Испании в СССР эмигрировали многие борцы Народного фронта. Среди них было много интеллектуалов, честных и образованных людей. Так как они не знали русского языка, в России они были востребованы только как учителя в детдомах для испанских детей. Благодаря им, наши ребята смогли не только не забыть испанский язык, но и овладеть им на достаточно высоком уровне. Помимо предметов, входящих в школьную программу, они учили нас обычаям и традициям ис-

панского народа. Зимой 1942–1943 гг., когда из-за близости Сталинградского фронта нам отключили свет, и мы были вынуждены прервать занятия, наши учителя приходили в классы и в сумраке пересказывали нам рассказы и романы испанских писателей, а также знакомили нас со значимыми произведениями мировой литературы. Именно в то время я впервые услышала имя Шекспира»³¹.

Добрую память о себе оставил учитель математики Аррон Хулио Габриэль. «Это был очень умный и приятный человек. Свои лекции в течение зимних сумрачных дней в классах без света он обильно сдобрял анекдотами из жизни сумасшедшего дома. Математику он объяснял настолько доходчиво и понятно, что я, например, никогда повторно не заглядывала в тетрадь. Так что я хорошо знала математику, правда, на испанском»³².

С теплом бывшие воспитанники детдома годы спустя вспоминали и русских педагогов. «Помню закутанную в пушистый платок учительницу литературы. Эта милая русоволосая женщина познакомила нас с творчеством Льва Толстого. В наше сознание Отечественная война 1812 года вошла зимой Великой Отечественной. Русский Платон Каратаев был так похож на испанских партизан! Мы принадлежали к двум народам, победившим Наполеона, и почувствовали себя участниками Истории»³³.

Вирхилио де лос Льянос Мас признается, что не помнит другого более тяжелого и нескончаемого периода в жизни, чем зимние дни и ночи 1941–1942 гг., а директор Николай Паншин назвал эвакуацию детдома в бывшую республику Немцев Поволжья «большой ошибкой»³⁴. Именно на плечи директора лег основной груз заботы в детдоме. Ведь все необходимое нужно было выбивать самому. Рабочий день директора в основном проходил не в кабинете, а в седле, верхом на лошади. «Паншин, несмотря на бессонные ночи, уже в шесть тридцать утра приступал к работе. Он объезжал окрестные колхозы, прося выделить продукты и одежду для детей. Он любил детей, любил работу, но имел взрывной характер: кричал и сердился на взрослых и молодежь. Дети его обожали... Много ночей мы наблюдали, как в его кабинете горел свет керосиновой лампы до трех часов утра, и после этого он шел делать обход, инспектировал помещения...»³⁵

Суровая зима, в конце концов, уступила место весне, а вместе с приходом тепла, пусть не намного, но условия жизни в детдоме все-таки улучшились. Усилия директора Николая Паншина не пропали даром. Так, у коллектива детского дома оказалось шесть коров.

«Молоко, которое мы имели в своем распоряжении, распределялось между самыми слабыми и больными, а остальным добавляли его в суррогат кофе и раздавали кашу, сваренную на молоке. Норма хлеба возросла до 250 граммов в день»³⁶.

Некоторые сведения о том, что удавалось достать пробивному директору, сохранились в

архивах. Так, одна из справок, направленных в ЗАГО СЕНО, гласит: «Оргкомитет Саратовского Облисполкома по Куккусскому району просит Вас отпустить 500 кг сена детскому дому № 1 испанских детей в счет будущих нарядов для района. Зам. председателя Оргкомитета (Бланченко)»³⁷.

По воспоминаниям Виртудес Мартинес, Паншину удалось получить участок земли, где воспитанники и учителя сажали огурцы, помидоры и другие овощи. Еще на одном отдельном выращивалась морковь. Все лето на этих клочках земли работали школьники³⁸.

Это подтверждается и докладной запиской директора детского дома № 1 Н. Паншина в Наркомпрос от 8 августа 1942 г., в котором он пишет о том, что вся жизнь детей проходит главным образом в труде: «3 и 4 классы вместе с работниками дома работают в своем подсобном хозяйстве (на прополке, окучивании, уборке зерновых), малыши ходят собирать колоски и лекарственные травы. Так что основное место в жизни детей занимает труд...»³⁹

Трудовую закалку получали и старшеклассники, которые работали по приглашению колхозов в комбайновых бригадах. Еще зимой они изучали теорию и практику вождения колесных сельхозтракторов марки ХТЗ (Харьковского тракторного завода) и зерновых комбайнов «Сталинец-1». Среди тех, кому удалось получить права тракториста и комбайнера, был Вирхилио де лос Льянос Мас: «Сев и последующая уборка урожая дались нелегко – нам, новичкам, не хватало практических навыков. Первую “упряжку” возглавлял Габриэль Аррон, а во главе второй работал Аугусто Видаль – оба уроженцы Каталонии, интеллигенты и прекрасные преподаватели... Корпуса наших комбайнов украшала звездная россыпь: каждая звездочка означала, что в закрома Родины, как тогда говорили, внесены 40 тонн зерна»⁴⁰.

О достижениях своих подопечных сообщал в отчете в Наркомпрос директор Николай Паншин: «Одна из бригад вышла на первое место в районе, получила благодарность и премию (комбайнер – испанский учитель т. Аррон Габриэль), 2 бригады старших воспитанников 7 класса работают на других полевых работах (вязка, скидирование, молотба)...»⁴¹

Успехами своих товарищей на колхозных полях гордился весь коллектив детдома: «Наши мальчики проявили себя хорошо и осенью были награждены как одни из победителей соцсоревнований. Справедливости ради отмечу, что соревноваться им приходилось с такими же подростками, русскими сверстниками, 14–16 лет»⁴².

Обстановка на Сталинградском фронте оставалась тяжелой. «Нам поручили организовать охрану здания ночью. Не знаю, каким образом должен быть осуществлен этот глупый приказ, потому что у нас не было никакого оружия, за исключением длинной оглобли, к тому же мы не знали немецкого и слабо изъяснялись по-русски.

...Мы видели пролетающие самолеты, иногда спускающихся десантников. Но кем они были – русскими? врагами? Мы не знали. Этот факт не был приятен. Нам было не по себе, по крайней мере, я могу честно признаться, что испытывала страх»⁴³.

Казалось бы, тяжелые условия жизни должны были способствовать большой смертности ослабленных от холода и голода детей. Однако серьезных инфекционных заболеваний удалось избежать, как следовало из отчета директора Николая Паншина: «... в окружении тифозной инфекции, скарлатины, кори, коклюша, ни один наш ребенок не болел указанными болезнями, кроме 4-х случаев дизентерии в первый месяц пребывания детей и туберкулеза»⁴⁴.

Виртудес Компань Мартинес упоминает о шести смертях в детдоме во время эвакуации. Согласно документам, хранящимся ГАРФе, в 1944 году с начала войны было зарегистрировано 7 смертей. Причем не все из них произошли вследствие голода и болезней. Так, Фуенте Херес Люсия из 4 класса утонула⁴⁵.

Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом 2 февраля 1943 г. если не улучшил положение коллектива детдома, то, по крайней мере, дал надежду на скорую победу. Немцы отступали, а война уходила из этих мест. Испанских подростков направляли учиться и работать в Саратов. В те годы в Саратове функционировали три техникума, куда отправлялись на учебу выпускники испанских детдомов – медицинский, ФЗО № 12 с химическим уклоном и ремесленное училище при заводе «Комбайн». Когда детдом летом 1944 г. эвакуировался обратно в Москву, это смогли сделать и его многие бывшие воспитанники, получившие, благодаря усилиям Николая Паншина, вызов из столицы.

Итак, документы и воспоминания показывают, что положение во время войны детского дома № 1 для испанских детей было сложным. Были проблемы с отоплением, размещением, питанием, страдал и учебный процесс. Но в то же время детдом не был брошен на произвол судьбы, принимались меры для улучшения положения детей, в частности выделялась земля для организации подсобных хозяйств. Организовать снабжение и учебный процесс на высоком уровне помогли самоотверженные усилия как директора, так и всего педагогического коллектива. Многие воспитанники впоследствии с теплотой вспоминали о годах, проведенных на Саратовской земле, ставших для них настоящей школой жизни.

Примечания

- ¹ *Martnez V. C. La Espanola rusa. М., 2011. P. 32* (Здесь и далее цитаты испанских авторов даны в авторском переводе).
- ² *Estevez L. La vida es lucha. Madrid, 1993. P. 263.*

- ³ Estevez L. La vida es lucha. Madrid, 1993. P. 263.
- ⁴ ГАРФ. А-307. Оп. 1. Д. 26. Л. 34.
- ⁵ Аврус А. И. Испанские детские дома в Саратовской области в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война в контексте российской истории : сб. науч. тр. / под ред. Ю. Г. Голуба, В. Н. Данилова. Саратов, 2000. С. 105.
- ⁶ Martnez V. C. Op. cit. P. 37.
- ⁷ Де лос Льянос Мас В. Ты помнишь, tovarish...? Из архива одного из детей, вывезенных в СССР во время гражданской войны в Испании. М., 2008. С. 46.
- ⁸ Martnez V. C. Op. cit.
- ⁹ Герман А. А. Немецкая автономия на Волге : в 2 ч. Ч. 2. Саратов, 1994. С. 303.
- ¹⁰ Estevez L. Op. cit. P. 247.
- ¹¹ ГАРФ. Ф. А-307. Оп. 1. Д. 26. Л. 34.
- ¹² Martnez V. C. Op. cit. P. 41.
- ¹³ Де лос Льянос Мас В. Указ. соч. С. 47.
- ¹⁴ Martnez V. C. Op. cit. P. 40.
- ¹⁵ Де лос Льянос Мас В. Указ. соч. С. 48.
- ¹⁶ Estevez L. La vida es lucha. Madrid, 1993. P. 268.
- ¹⁷ Martnez V. C. La Espanola rusa. М., 2011. P. 42.
- ¹⁸ Филаретова В. Л. Испанские детские дома в период Великой Отечественной войны в Саратовской области // Навеки в памяти народной... : материалы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 65-летию Победы / отв. ред. В. Н. Данилов. Саратов, 2010. С. 98.
- ¹⁹ ГАРФ. Ф. А-307. Оп. 1. Д. 26. Л. 34.
- ²⁰ Martnez V. C. Op. cit. P. 44.
- ²¹ Estevez L. Op. cit. P. 269.
- ²² Де лос Льянос Мас В. Указ. соч. С. 48.
- ²³ Estevez L. Op. cit.
- ²⁴ Филаретова В. Л. Испанские детские дома... С. 99.
- ²⁵ Martnez V. C. Op. cit.
- ²⁶ Estevez L. Op. cit. P. 271–272.
- ²⁷ Ibid.
- ²⁸ Ibid. P. 269.
- ²⁹ ГАРФ. Ф. А-307. Оп. 2. Д. 20. Л. 2.
- ³⁰ Аврус А. И. Испанские детские дома в Саратовской области... С. 108.
- ³¹ Martnez V. C. Op. cit. P. 44.
- ³² Ibid. P. 56.
- ³³ Де лос Льянос Мас В. Указ. соч. С. 49.
- ³⁴ ГАРФ. А-307. Оп. 1. Д. 26. Л. 1.
- ³⁵ Estevez L. Op. cit. P. 270.
- ³⁶ Martnez V. C. Op. cit. P. 45.
- ³⁷ ГАРФ. Ф. А-307. Оп. 2. Д. 20. Л. 9.
- ³⁸ Martnez V. C. Op. cit.
- ³⁹ ГАРФ. Ф. А-307. Оп. 1. Д. 3. Л. 35–37.
- ⁴⁰ Де лос Льянос Мас В. Указ. соч. С. 51.
- ⁴¹ ГАРФ. Ф. А-307. Оп. 1. Д. 3. Л. 35–37.
- ⁴² Martnez V. C. Op. cit.
- ⁴³ Estevez L. Op. cit. P. 271.
- ⁴⁴ ГАРФ. Ф. А-307. Оп. 1. Д. 26. Л. 15.
- ⁴⁵ Там же. Оп. 2. Д. 20. Л. 10.